

Е. Н. Кузинер

Гендерный капитал и бездомность в России: от теории к практике

Евгения Николаевна Кузинер — младший научный сотрудник Центра молодёжных исследований Департамента социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. **Адрес:** Санкт-Петербург, ул. Седова, 55, к. 2. **Электронная почта:** ekuziner@hse.ru.

Аннотация: Исследование посвящено анализу гендерных аспектов бездомности в России с особым вниманием к различиям в причинах бездомности, стратегиях выживания и уязвимости мужчин и женщин. Данное исследование стремится осветить специфические проблемы, с которыми сталкиваются бездомные женщины и мужчины, а также предложить концептуальную рамку для понимания гендерного капитала как ключевого элемента в их адаптационных стратегиях. Основой исследования являются эмпирические данные, собранные в период с 2018 по 2021 год. Концепт гендерного капитала, предложенный в исследовании, помогает понять, как социальные, культурные и экономические ресурсы используются мужчинами и женщинами в их ежедневной борьбе за выживание. Этот концепт раскрывает, каким образом гендерные нормы и ожидания влияют на опыт бездомности и адаптационные стратегии. Гендерный капитал включает в себя навыки, знания и социальные сети, которые могут как способствовать выживанию, так и ограничивать возможности для выхода из бездомности.

Ключевые слова: бездомность, женская бездомность, гендерный капитал

Для цитирования: Кузинер, Е. Н. Гендерный капитал и бездомность в России: от теории к практике // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 123–153.

Введение

В 2018 году, когда задумывалось это исследование, в России практически не было ни одного гендерно чувствительного сервиса для бездомных, не было посвященных женской бездомности исследований, а в медиа дискурсе преобладало негативное, стигматизирующее описание бездомных¹. К 2024 году появилось несколько сервисов для женщин (женские часы «Ночлежки», женские дни в «Неравнодуше», приюты для женщин в Тюмени и Москве, группы психологической поддержки для бездомных женщин и др.), в СМИ (во многом благодаря просветительской работе автора и «Ночлежки») стали появляться материалы, дестигматизирующие и очеловечивающие бездомных². Однако, говорить о том, что на этом можно заканчивать исследовать гендерные аспекты бездомности и женскую бездомность в частности, неверно. Бездомность — социальный процесс, зависящий, как от индивидуальных, так и от социально-экономических факторов, а категории бездомных, причины бездомности могут зависеть от социокультурных и исторических контекстов (как, например, причины бездомности в постсоветское время и причины бездомности во время пандемии Covid 19). Актуальность новых теоретических и эмпирических исследований также определяется необходимостью расширения знаний о том, как разные группы становятся бездомными и как справляются с бездомностью. Бездомные — это гетерогенная социальная группа, внутри которой обнаруживаются люди с различающимся социальным опытом, биографией и особенностями социализации, среди них есть как пожилые, так и молодые люди, бездомные с инвалидностью и тяжелыми хроническими заболеваниями, с тюремным опытом и опытом насилия. У каждой из групп — свои специфические причины попадания на улицу, свои потребности и стратегии совладания со сложившейся ситуацией [McMaster, 2017], что делает актуальными новые исследования специфических групп бездомных.

Первый этап исследования был посвящен исследованию одной из групп бездомных — женщин, их причинам попадания в ситуацию бездомности, стратегиям совладания с ней. Анализ интервью с женщинами с опытом бездомности показал, что одна из главных причин женской бездомности — домашнее насилие, а партнерство играет ключевую роль в стратегиях адаптации к ситуации бездомности [Кузинер, 2020]. Далее было решено исследовать через гендерную

¹ Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации. СПб. : Межрегиональная Сеть «За преодоление социальной исключенности», 2009.

² См., например, Ирина Новик. Где живет любовь. Такие дела. 13.10.2021. URL: <https://takiedela.ru/2021/10/gde-zhivet-lyubov/>, дата обращения: 19.07.2024).

оптику бездомных мужчин. Выяснилось, что и у мужчин также существуют специфические стратегии совладания с ситуацией бездомности, связанные преимущественно с трудоустройством [Kuziner, 2023]. Также анализ показал, что причины бездомности и совладание можно рассматривать через потерю ресурсов и их приобретение в новой жизненной ситуации. Таким образом, на основе анализа эмпирических данных и теоретических концепций был выделен концепт гендерного капитала, с помощью которого мужчины и женщины адаптируются в ситуации бездомности. Исследование гендерных аспектов бездомности и гендерного капитала важно для расширения знаний о социальных неравенствах и разработке более эффективных программ помощи бездомным. В российском контексте бездомность часто рассматривается как проблема, требующая государственного вмешательства, однако гендерные аспекты этой проблемы остаются недостаточно изученными. Цель данной статьи — проанализировать гендерный капитал в ситуации бездомности.

Гендер и бездомность

В конце 80-х годов XX века концепция бездомности начинает дополняться гендерным измерением, что становится важным этапом развития исследований бездомности в целом. Анализируя академические дискуссии вокруг изучения этого феномена (в которых не обращалось внимания на различия, связанные с гендерными признаками), исследователи приходят к выводу, что бездомные женщины были не только исключены из официальной статистики, но и дополнительно стигматизированы в своей маргинализованной группе [Watson, Austerberry, 1986; Watson, 1999]. Вурдхоу считает, что «невидимость» бездомных женщин связана, в первую очередь, с определенной стигмой «неустроенной женщины» и принятыми в обществе культурными и социальными нормами, приписываемые традиционным гендерным ролям. Женщине в рамках патриархального дискурса, долго господствующего в общественном мнении, приписываются социальные роли жены, матери, «хозяйки домашнего очага». Несоответствие этим ролям рассматривается обществом как форма девиации, даже если при этом женщина становится жертвой домашнего насилия и нуждается в помощи [Wardhaugh, 1999]. Исследователи также отмечают, что женщины, переживающие бездомность, более уязвимы и в большей степени подвержены стигматизации, чем мужчины [Finfgeld-Connett, 2010]. Они могут сталкиваться с гендерным насилием, ситуацией распада семьи, крайней бедностью, отсутствием доступного жилья и повышенным риском

сексуальной эксплуатации и насилия [Bretherton and Mayoock, 2021], что в определенной степени связано с гендерным, трудовым неравенством и доминированием в некоторых обществах традиционных моделей семьи. Женщинам в патриархальных обществах предписываются традиционные роли матерей и домохозяек, что дополняется обязательствами быть непосредственно связанной с домом и соответствующими нормативными требованиями. В подобном позиционировании, потеря женщиной дома и ситуация бездомности приводит к стигматизации даже среди бездомных [Edgar, Doherty, 2001]. Эдгар и Догерти изучали самоидентификацию и опыт бездомных женщин в Европе в сравнительной перспективе. Данное исследование стало первой масштабной работой, посвященной анализу женской бездомности в Европе. В ходе анализа полученных нарративных историй информанток, авторы пришли к выводу, что проблема женской бездомности ушла на второй план и считается меньшей социальной проблемой, чем феномен мужской бездомности.

Зарубежные авторы актуальных исследований бездомности подчеркивают важность анализа гендерных аспектов этого социального феномена и гендерно-обусловленных потребностей этих людей [Romero, Margolis, 2005]. При этом, в зависимости от социально-экономической ситуации, существующих культурных особенностей и контекстов в разных обществах, гендерные режимы организации повседневной жизни, стратегии выживания в ситуации бездомности могут значимо отличаться. В исследовании, посвященном особенностям женской бездомности в Австралии, сравнивается число женщин, пользующихся различными сервисами для бездомных в исследуемой стране и США, найденные различия объясняются особенностями местного жилищного законодательства и социальной политики [Johnson et al., 2017]. В работе, посвященной анализу социальных сервисов помощи бездомным в Японии, автор пишет о значительном влиянии корпораций на жизнь своих сотрудников и практику предоставления бесплатного корпоративного жилья [Okamoto, 2007].

Большой пласт исследований посвящен концепции дома и его пониманию в нарративах бездомных женщин. Хотя традиционно дом рассматривается как безопасное, комфортное место, где можно найти уединение и эмоциональную защиту, именно дом может стать крайне небезопасным для женщин, подвергающихся домашнему насилию [Tessler et al., 2001]. Акцентирование именно этого фокуса может привести к тому, что из исследовательского внимания могут выпасть бездомные мужчины, их опыт и понимание дома, что может негативно повлиять на развитие гендерно-чувствительных сервисов помощи бездомным.

Учёные, чьи исследования посвящены стратегиям выживания в ситуации бездомности, выделяют несколько гендерных различий. Женщины часто обращаются за помощью к родственникам, дру-

зьям и партнерам, чтобы избежать ситуации уличной бездомности. Чаще всего они используют свой «физический», телесный капитал [Watson et al., 2016], чтобы найти партнера, который обеспечит им не только крышу над головой, но и чувство безопасности и эмоционального комфорта. Для ощущения безопасности на улице, бездомные женщины могут использовать различные гендерные режимы, такие как соответствие традиционным женским нормам («симулякр женственности»), использование мужских паттернов поведения («симулякр мужественности») или сокрытие гендерно-конструирующих элементов («бесполость»). Вырабатывая стратегии, соответствующие социальным представлениям о женственности или мужественности, бездомные женщины стремятся избегать потенциально опасных ситуаций и контролировать обстановку [Huey and Berndt, 2008]. Эрин Деж анализирует, как бездомные мужчины конструируют свою маскулинность. В ситуации нехватки ресурсов бездомные мужчины демонстрируют компенсаторную маскулинность как способ справиться с ситуацией. Лишаясь традиционной роли мужчины как главы дома (и «дома» в целом), они компенсируют эту роль за счёт чрезмерного маскулинного поведения. Этот механизм преодоления влияет на их стратегию выживания, а именно, на то, куда и как они обращаются за помощью [Dej, 2018]. Результаты ряда исследований могут демонстрировать, что траектории попадания в ситуацию бездомности имеют яркие гендерные особенности [O'Grady, Gaetz, 2004], другие исследования, однако, могут показывать, что в ситуации выживания на улице стратегии поведения мужчин и женщин практически не отличаются [Evans, Forsyth, 2004]. Это может быть объяснено тем, как исследователи понимают бездомность. В работах, рассматривающих это явление больше как структурную социальную проблему, гендерные особенности бездомности смещены на второй план.

Среди российских исследований можно выделить три наиболее полные и масштабные исследовательские работы, посвященные феномену бездомности в России. Исследование Елены Коваленко и Елены Строковой было проведено в период с 2007 по 2009 год и посвящено анализу и способам выхода из бездомности. В качестве методов исследовательницы используют экспертные интервью, проводимые с сотрудниками благотворительных организаций и социальных структур. Вводится понятие «придонный слой бездомных» — люди с продолжительным опытом проживания на улице, заметными поведенческими, психологическими и социальными изменениями [Коваленко, Строкова, 2010]. Женщины, пережившие домашнее насилие, относятся исследовательницами к группе риска, однако непосредственно опыт женской бездомности не анализируется. Результаты исследования носят практический характер и представляют собой рекомендации для социальных работников и специалистов государственных служб.

В книге Светланы Стивенсон «Пересекая черту. Бродяжничество, бездомность и социальное вытеснение в России» проанализированы 113 глубинных интервью с московскими бездомными, взятые в период с 1993 по 2005 год, экспертные интервью с сотрудниками благотворительных организаций и социальных учреждений города. В своей работе автор описывает механизмы попадания на улицу, сравниваются советские и постсоветские структурные условия как система социального контроля. В качестве теоретической рамки Стивенсон использует теорию социального пространства П. Бурдьё и формулирует концепцию социального вытеснения. Через эту концепцию она анализирует производство маргинальности и бездомности [Stephenson, 2017]. Стивенсон затрагивает опыт бездомных женщин, считая, что их стратегия адаптации — это поиск партнеров, однако отдельно стратегии адаптации с точки зрения гендера исследовательница не анализирует.

Шведский антрополог Т. Хойдестранд проводила исследование бездомности в Санкт-Петербурге в 1990-х годах. Используя концепцию «ненужности», исследовательница рассматривает бездомность как последствие развала Советского союза, а бездомных как не социализировавшихся людей в постсоветское время [Höjdestrand, 2009]. Антрополог отмечает, что 40% исследуемых ею бездомных — женщины. Анализируя занятость бездомных и сравнивая опыт работы мужчин и женщин, она приходит к выводу, что в данном случае, различий в местах занятости нет, кроме того, что женщины также могут зарабатывать деньги проституцией. По мнению Хойдестранд, женщины также чаще становятся жертвами домашнего насилия [Ibid, p. 121]. Отдельного анализа опыта женской бездомности с учётом гендерных различий совладания с бездомностью исследовательница не проводит, однако она указывает, что класс и гендер могут влиять на бездомность, не являясь при этом ключевой причиной этой жизненной ситуации.

В большинстве работ, напрямую посвященных гендерным особенностям бездомности, исследователи уделяют больше внимания опыту бездомных женщин. Это вполне обоснованно, поскольку женская бездомность, имеет, как правило, различные формы, в том числе и скрытые. По статистике, женщины чаще всего становятся жертвами домашнего насилия и сексуальных домогательств, они более уязвимы, а в ситуации бездомности ещё и более виктимизированы. Однако опыт мужчин также важен, поскольку может помочь разглядеть не только гендерные особенности, но и различия, существующие между другими группами бездомных (молодые и пожилые бездомные, бездомные-инвалиды и т. д.).

В большей части российских академических работ чаще всего исследуется уличная форма бездомности и проживание в приютах [Алексеева, 2003; Волков, 2010; Коваленко, Строчкова, 2010]. Недо-

статочная теоретическая проработка собственно концепта бездомности с учётом отличающегося опыта групп людей, в особенности гендерных аспектов проживания этой ситуации, затрудняет дальнейшее развитие исследований как в самой этой сфере, так и в рамках гендерных исследований в целом. Мужчин, находящихся в условиях уличной (наиболее «видимой» формы) бездомности статистически больше, чем женщин, поэтому бездомность в этой оптике рассматривается как явление с преимущественно «мужским лицом». Официальные данные о численности бездомных непосредственно влияют на привлечение внимания к проблеме, что, в свою очередь, сказывается на государственном финансировании сервисов для бездомных. Гендерные особенности этого явления не упоминаются в официальной статистике и, достаточно редко, — в статистике НКО. Однако многочисленные международные исследования бездомности показывают, что мужчины и женщины по-разному воспринимают свои жизненные ситуации и по-разному адаптируются к ним³. Бездомные женщины оказываются более стигматизированными и уязвимыми внутри стигматизированной и уязвимой группы, оставаясь при этом и более виктимными [Bretherton, 2020; He et al., 2020; Rea, 2023]. Социальная стигма в отношении бездомных женщин может дополняться стигматизацией со стороны некоторых исследователей, описывающих их, например, как «это алкоголички, женщины, вернувшиеся из мест заключения...» [Платонова, 2009, с. 58]. Таким образом, бездомные женщины и их жизненный опыт в сравнении с мужским опытом бездомности оказываются практически вне поля зрения российских исследований.

Ни одно из определений, предлагаемых российскими практиками и исследователями, не включает в себя гендерные аспекты бездомности, уделяя больше внимания видимой группе бездомных — мужчинам (о чём также свидетельствует большинство исследований бездомности в России). Концентрация на определении бездомности только с точки зрения владения/невладения жильем фокусирует внимание практиков и исследователей на том, что главная проблема бездомности — отсутствие жилья. Однако жилье может быть небезопасным местом для женщин [Tomas, Dittmar, 1995]. Включение гендерной оптики в концептуализацию бездомности поможет сделать видимыми разные группы бездомных и людей, находящихся в группе риска стать бездомными.

Британские исследовательницы С. Уотсон и Х. Аустерберри одни из первых обратили внимание на бездомность в феминистской перспективе, исследуя жилищную и социальную политики Великобритании. Исследовательницы пришли к выводу, что существующий

³ См., например: [Bretherton, 2017; Johnson, 2017; Rea, 2023]

в обществе патриархальный порядок, в котором доминирует норма традиционной семьи, укрепляет подчиненный статус женщины, в результате чего одинокие люди находятся в уязвимом положении. Если одинокая женщина по какой-либо причине теряет дом, для неё существует гораздо меньше безопасных вариантов, чем для оказавшихся в такой же ситуации одиноких мужчин [Watson, Austerberry, 1986].

Женская бездомность не попадает в фокус большинства европейских исследований бездомности из-за того, как определяется бездомность. Женщины, которые теряют свой дом из-за насилия со стороны мужчины и вынуждены пользоваться кризисными центрами, шелтерами и другими специализированными сервисами, часто определяются и исследуются как «жертвы домашнего насилия», а не как бездомные [Baptista, 2010; Jones et al., 2012; Bretherton, 2017]. Женщины не обязательно регистрируются как бездомные, если они сразу направляются в убежище, потому что они стали бездомными в результате домашнего насилия и не обращаются за помощью в рамках установленных законом систем [Quilgars, Please, 2010]. Д. Бретхертон выделяет следующие формы женский бездомности — скрытая бездомность (проживание у друзей и родственников); женщины, проживающие в кризисных центрах для «жертв» домашнего насилия [Please, Bretherton, 2013].

Для феминистского анализа бездомности также характерны дискуссии о социальном конструировании бездомности и роли патриархата и гендерного неравенства в определении бездомности. Исследователи анализируют состояние и качество социального положения женщин, развитость помогающих сервисов и, в целом, как в конкретном обществе конструируются женские роли [Bretherton, 2017]. В таких работах женская бездомность рассматривается как результат того, какое положение женщины занимают в исследуемом обществе в широком смысле. В таком случае женская бездомность определяется как социальная проблема, появившаяся в результате более глобальных, структурных и культурных проблем, связанных с патриархатом [Watson, 2000]. Сложный, дифференцированный опыт бездомных женщин объясняется через патриархат, системы социального обеспечения и наличие/отсутствие системы профилактики домашнего насилия. При этом агентность женщин в таких подходах не учитывается [Neale, 1997; Casey et al., 2008; McNaughton-Nicolls, 2009], однако в других исследованиях показывается, что женщины в ситуации бездомности влияют на свои жизненные траектории [Mayock and Bretherton, 2016]. Бездомные женщины часто не обращаются в службы помощи бездомным, не живут на улице, не пользуются услугами сервисов, помогающих «жертвам» домашнего насилия. Вместо этого они пользуются своими социальными связями — обращаются к друзьям, знакомым, чтобы не попасть в уличную категорию бездомных [Baptista, 2010; Mayock et al., 2012].

Если вышеописанные «гендерно не чувствительные» определения бездомности критикуются за отсутствие гендерной оптики, то феминистские исследователи этого явления подвергаются критике за концентрирование в определении бездомности на гендерных аспектах дома (как небезопасной среды для женщины), чем на самой ситуации бездомности [Neale, 1997: 151; Wendt, Moulding, 2016].

Гендерный капитал и бездомность

Понятие «капитал» у Бурдьё определяется как ресурс, а наличие или отсутствие капитала является важным элементом для формирования классовых различий. Таким образом, капитал — это концепция, которая помогает исследователям понять, как предоставляются или ограничиваются возможности для индивидов: «он позволяет нам думать о различных типах ценностей и мобильности» [Skeggs, 2004, с. 21]. Бурдьё описывает три основных типа капитала: экономический капитал (экономическое богатство), социальный капитал (выгодные социальные связи) и культурный капитал (выгодные культурные блага, образование, карьерная траектория). Культурный капитал — самый разнообразный из трех, поскольку он принимает несколько форм и существует в институциональном состоянии (в виде образовательных и профессиональных квалификаций), в виде объектов (в виде картин, книг и т. д.) и воплощенном состоянии (в виде аспектов габитуса) [Bourdieu, 1986]. Кроме того, эти капиталы становятся четвертым типом капитала, когда они получают легитимацию в обществе: символическим капиталом. Концепция «капитала» позволяет нам думать о богатстве за пределами экономики. Однако мы предполагаем, что эта концепция может быть ещё более расширенной и использованной для понимания гендерных практик, связанных со стратегиями совладания с ситуациями, когда ресурсов, капиталов нет или они приобретают другую форму. Бурдьё также предположил эволюционный потенциал своей концепции, когда добавил символический капитал к своей формулировке и предположил, что у каждого вида есть подвиды [Bourdieu, Wacquant, 1992, p. 119].

Бурдьё считает, что расширение его формулировок имеет смысл, поскольку позволяет «объяснить структуру и динамику дифференцированных обществ» [Bourdieu, Wacquant, 1992, p. 119]. Некоторые теоретики выступают против расширения концептуального инструментария Бурдьё. Например, Беннетт [2011] утверждает, что гендер не является капиталом; скорее, он информирует или структурирует культурный капитал. Они с сомнением относятся к развитию исходной концепции Бурдьё, полагая, что в таком случае её расши-

рение может происходить бесконечно. Однако некоторые исследователи утверждают, что «гендерный капитал» позволяет учитывать как классовые, так и гендерные процессы; он делает гендер центральным элементом социального пространства [Huppatz and Goodwin, 2013].

Б. Скеггс, исследуя работающих женщин, разработала концепцию женского культурного капитала. В своей работе она пишет, что женщины из рабочего класса активно ищут и используют женственность как капитал для «компенсирования потерь». Таким образом, феминность — это «дискурсивная позиция», которую женщины занимают и которой сопротивляются различными способами. Скеггс также пишет о том, что гендерная нормативность как гендерный капитал по-разному действует на мальчиков и девочек [Skeggs, 2004, p. 22]. Она утверждает, что гендерная нормативность предлагает ограниченную форму капитала для девочек, в то время как она институционализована в школах и, следовательно, является символическим капиталом и обеспечивает мужскую власть для мальчиков. Таким образом, гендер — это «асимметричная» форма капитала. Поэтому некоторые феминистские исследователи утверждают, что женщины не только накапливают капитал, но и обладают собственными женскими формами капитала. Более того, рассматривая гендер как культурный капитал, эти исследователи понимают женственность как культурно усваиваемую.

Это означает, что, хотя женщин могут поощрять к использованию этой формы капитала больше, чем мужчин, этот капитал может быть доступен как мужчинам, так и женщинам. Хуппатц также утверждает, что гендер является культурным капиталом. Изучая данные исследований, проведенные среди людей, работающих с детьми, исследовательница проводит различия между женским и феминным капиталом. Хуппатц предполагает, что существуют различия между преимуществами, которые вытекают из маркирования женщиной (обычно через признание телесных различий) и преимуществами, которые вытекают из женственности, поэтому, используя понятие «гендерный капитал», не следует смешивать женскость и феминность. Женский капитал и мужской капитал относятся к гендерным преимуществам, которые возникают в результате восприятия женского или мужского тела, в то время как феминный и маскулинный капиталы относятся к гендерным преимуществам, которые возникают в результате склонности или набора навыков, или потому, что индивида наделяют феминными или маскулинными характеристиками.

Гендерный капитал активно исследуется в социологии труда. Некоторые исследователи предполагают, что мы наблюдаем более активное использование гендерного капитала в связи с изменениями в экономике. Например, Л. Адкинс предполагает, что существует «новая экономика», в которой гендер рассматривается как культурный продукт и как ресурс, который можно использовать на рабочем

месте. Однако Адкинс считает, что гендерный капитал ограничен работой [Adkins 2005]. Поскольку работа в новой экономике всё больше включает в себя социальное взаимодействие и исполнение, ее прибыльность в значительной степени зависит от «эффекта аудитории», так удовлетворенность клиентов является ключевым показателем эффективности работы сотрудников. Однако, поскольку женская феминность часто рассматривается как «естественное преимущество», некоторые исследователи считают, что люди не всегда владеют гендерным капиталом или накапливают его [Huppatz and Goodwin 2013].

Феминистские исследователи переработали концепцию Бурдые о «воплощенном культурном капитале», добавив гендерный капитал, но чаще всего используют его только в исследованиях труда. Однако мы считаем, что данная концепция может быть использована шире.

Некоторые исследователи маскулинности также считают гендер преимуществом. Понятие «мужского капитала» получило широкое развитие в более поздних исследованиях маскулинности. В частности, Т. Бриджес, исследуя гендерный капитал мужчин-бодибилдеров, пишет о том, что маскулинность принимает различные формы в различных областях взаимодействия, выступая в качестве формы культурного капитала: гендерного капитала [Bridges, 2009, p. 83]. Гегемонная маскулинность часто рассматривается исследователями как гендерный капитал, который зависит от контекста. Другие исследователи рассматривают поле маскулинности, в котором гегемонная маскулинность, будучи подвижной и изменчивой, имеет тенденцию быть символическим капиталом. Коулз подчеркивает роль телесного капитала и утверждает, что тела, соответствующие гегемонистской маскулинности, представляют наибольшую ценность в поле маскулинности. С. К. Йенсен, исследуя молодых мигрантов Дании, обсуждает ценность «экспрессивной маскулинности». Она утверждает, что экспрессивная маскулинность — это отдельный субкультурный стиль, который связан с телесным капиталом. Исследовательница приходит к выводу, что молодые люди из неблагополучных семей используют преувеличенную маскулинность, «которая охватывает гендер, класс, этническую и расовую принадлежность» [Jensen, 2006, p. 271]. Она утверждает, что гендерный капитал может быть использован уязвимыми сообществами, чтобы компенсировать «потери» других форм капитала. Поэтому исследователи маскулинности выступают за пересмотр концепции культурного капитала и включения в него «мужского капитала», который может принимать различные телесные формы. Э. Деж в своём исследовании маскулинности бездомных мужчин [Dej, 2018] также пишет о том, что в ситуации, когда мужчины утрачивают мужские традиционные роли, включается механизм компенсации, который может проявляться по-разному и зависеть от контекста.

Феминность и маскулинность можно рассматривать как ресурсы, используемые сознательно или бессознательно [Huppatz and

Goodwin 2013]. Однако исследователи подчеркивают, что фемининность не следует рассматривать как исключительно женскую характеристику, а маскулинность — как мужскую. Люди с мужским телом могут быть признаны обладателями женских качеств, а люди с женским телом — мужских. Это означает, что можно «делать гендер по-другому», но также, как утверждают Альвессон, Адкинс и Хуппац, в некоторых ситуациях это «делание» может быть выгодно, так что мужчины могут успешно использовать фемининность, а женщины — маскулинность в определенных социальных пространствах и контекстах [Alvesson, 1998; Adkins, 2005; Huppertz, 2012].

Стереотипные или гегемонистские гендерные диспозиции могут быть наиболее выгодными [Bridges, 2009; Coles, 2009; Huppertz, 2009, 2012; Skeggs, 1997] и с большей вероятностью будут символически легитимированы. Гендер может быть концептуализирован как форма культурного капитала, существующий в виде различных форм гендерного капитала: женского, мужского (телесность, физиология); феминного и маскулинного (символические практики, гендерные роли).

Эмпирическая база и методология исследования

Данное исследование проведено в рамках диссертации и выполнено с использованием качественной методологии (полуструктурированные биографические интервью и включенные наблюдения). Автор статьи придерживается мнения, что качественная методология является наиболее подходящей для исследования уязвимых стигматизируемых групп, так как с, одной стороны, позволяет получить полное и глубокое понимание опыта и практик исследуемой группы [Hoolachan, 2016], с другой стороны, дает голос участникам исследования [Кузинер, 2024].

Поиск информантов изначально проходил через приюты некоммерческих организаций «Ночлежка», «Мальтийский орден». Далее после нескольких интервью использовался рекрутинг методом «снежного кома». Задача первого этапа исследования заключалась в том, чтобы исследовать опыт бездомных женщин, причины их попадания на улицу и стратегии совладания с ситуацией. Всего в выборку вошли люди с различным опытом бездомности — проживающие в приютах, в заброшенных зданиях.

В ходе исследования всего было собрано 60 интервью с мужчинами и женщинами с опытом бездомности и проживающими в Санкт-Петербурге на момент сбора данных. Выборка гендерно сбалансирована. Возраст участников составил от 31 до 72 лет. Большин-

ство из участников исследования сталкивались с различными формами бездомности (уличная бездомность, ночевки в подвалах домов или заброшенных зданиях, проживание у друзей или партнеров, проживание в приютах). 43 участника переехали в Санкт-Петербург из других регионов, в том числе 10 человек имели другое гражданство. У трех человек были советские паспорта. В ходе интервью участников расспрашивали об их жизни: основные социально-демографические характеристики, семья, детство, образование, карьера, опыт партнерских/семейных отношений, «жилищная» история и опыт бездомности, текущая официальная жилищная ситуация (есть ли регистрация, жилье в собственности и т. д.). Информантов спрашивали о том, как они справляются с ситуацией бездомности. Кроме того, их спрашивали об их самоидентификации (считает ли человек себя бездомным, почему) и как они определяют понятие «дом».

Метод наблюдения использовался во время работы в волонтерских проектах различных некоммерческих организаций, посещения исследовательницей мест проживания информантов (приюты, заброшенные дома, самодельные конструкции). Метод наблюдения позволил получить дополнительную информацию, связанную с организацией быта информантов, их коммуникаций с другими. Наблюдения проводились с октября 2018 в проектах различных НКО, а также в местах проживания информантов. Исследовательница участвовала в различных проектах помощи бездомным, где общалась с бездомными и другими волонтерами и документировала разговоры, действия и реакцию участников на различные события. Наблюдения помогли скорректировать дизайн-проект исследования, установить более доверительные отношения с информантами и рекрутировать большее количество участников. Можно сказать, что наблюдения проходят до сих пор, так как автор статьи активно задействована в нескольких проектах, помогающих бездомным.

Все интервью были записаны, дословно затранскрибированы и анонимизированы. В данном исследовании вместо имен используются идентификационные номера, приписываемые каждому информанту. Анализ полученных эмпирических данных выполнен методом открытого кодирования в логике обоснованной теории (версия К. Шармаз 2002), с применением элементов нарративного анализа.

Анализ данных начался ещё на этапе сбора данных, исследователь вела заметки после каждого интервью, рефлексировала над появляющимися категориями, что помогало корректировать процесс исследования, а также формулировать и закреплять появившиеся находки. Сначала было проведено открытое кодирование (с помощью программного обеспечения), были выделены основные темы и категории, возникавшие в ходе интервью, которые в дальнейшем были уточнены в соответствии с теоретическими рамками и теориями капитала. Было выделено несколько главных тем: состояние ресурсов до попа-

дания в ситуацию бездомности (жилищные ситуации, родительская семья и отношения с ней, романтические отношения, matrimониальные истории, опыт родительства, образовательная и профессиональная траектории, история здоровья); состояние ресурсов в ситуации бездомности.

Для анализа гендерного капитала как специфического ресурса в ситуации бездомности был разработан набор операциональных индикаторов, позволяющих рассмотреть его проявления и использование в повседневных стратегиях выживания. Подход основывается на концепции капитала Бурдье, где гендерный капитал рассматривается как совокупность навыков, символических и телесных атрибутов, которые индивид может накапливать и конвертировать в ресурсы, способствующие адаптации и выживанию.

На этапе сбора данных особое внимание уделялось выявлению индикаторов накопления и конверсии гендерного капитала, включая следующие аспекты:

1. Воплощенные атрибуты гендерного капитала — поддержание внешности, женственности или маскулинности (например, стремление женщин к приобретению косметики и украшений).
2. Конверсия гендерного капитала — использование гендерных ролей и символических характеристик (феминность, забота, эмпатия) для получения жилья, безопасности или других материальных и нематериальных ресурсов.
3. Взаимодействие гендерного и социального капитала — активное использование гендерной роли для формирования и поддержания социальных связей, включая родственников, друзей и партнеров.

Эти индикаторы использовались при кодировании данных, позволив выделить тематику, связанную с накоплением и использованием гендерного капитала в ситуациях бездомности. Подобный подход дал возможность детализировать и представить эмпирические данные через призму гендерного капитала, акцентируя внимание на его специфике и динамике в контексте социальной уязвимости.

Атрибуты гендерного капитала в ситуации бездомности

Анализируя «воплощенные атрибуты гендерного капитала», можно выделить несколько ключевых аспектов, которые иллюстрируют, как бездомные женщины стремятся поддерживать свою женственность и как это способствует их социальной адаптации. Эти аспекты включают в себя внимание к внешнему виду, попытки поддерживать социально приемлемую гендерную идентичность и использование внешности как ресурса, укрепляющего их положение в условиях уязвимости.

В условиях бездомности для женщин поддержание внешнего вида — это способ сохранить свою идентичность и «нормальность». Женщины из исследуемой группы часто стремились выглядеть «чистыми» и «ухажеными», подчеркивая свою женственность, несмотря на сложные жизненные обстоятельства. Например, многие участницы интервью высказывали желание иметь базовые косметические средства и украшения, что показывает их потребность не только в соблюдении гигиены, но и в поддержании своей женственности. В этих случаях косметика и украшения выступают символами, которые помогают женщинам чувствовать себя «обычными» и соответствовать социальным ожиданиям о внешности женщины, что делает их менее заметными и уязвимыми в стигматизирующей среде бездомности.

«Ну потому что женщины же за собой следят, и не скажешь, что они бездомные. Ладно бы опустившиеся там женщины. Видно, что она. И даже я сколько не была на улице, была как раз на этом... грязное это, грязно то. Тут даже я не понимаю, но всё равно. Ты ж сидишь на скамейке, прислонилась куда-то. Я всё время чистилась». (Инт. № 16, ж., 51, стаж бездомности 2 года, хостел).

На поддержание «нормативного» внешнего вида можно также взглянуть через призму «телесного капитала», в рамках которого женское тело становится неотъемлемой частью гендерного капитала. Женщины стремятся поддерживать свою внешность, не только чтобы чувствовать себя комфортно и не подвергаться стигме, но, и чтобы использовать этот ресурс как защиту от насилия и манипуляций. Например, они могут демонстрировать свою женственность, чтобы повысить социальную и личную безопасность, что особенно важно в условиях уличной бездомности. Телесный капитал в виде ухоженного и аккуратного внешнего вида позволяет им сохранить часть своего социального статуса и защищать себя от стигматизации.

Женственность как форма социального капитала и самосохранения в данном контексте выступает не только как поддержание определенного внешнего вида, но и как способ получения определенных форм поддержки. Поддержание внешности и феминных черт позволяет женщинам легче находить и укреплять социальные связи, в том числе с другими бездомными и с мужчинами, которые могут предложить защиту или временное жилье. Некоторые участницы рассказывали, что придают большое значение опрятности, что не только помогает избежать стигмы, но и позволяет взаимодействовать с окружающими на более равных основаниях, избегая ярлыка «неухажены» или «отверженности».

Использование женственных атрибутов для поддержания гендерной идентичности становится важной адаптивной стратегией. Многие из женщин старались поддерживать как символическую,

так и физическую стороны женственности, видя в этом способ быть принятыми в обществе и среди других бездомных. Это стремление быть «женщиной как все» выступает не просто желанием выглядеть ухоженно, но также и символической защитой, позволяющей им легче находить социальные связи и поддержку. Женская идентичность может также позволять обращаться за помощью, ведь общество традиционно воспринимает женщин как более уязвимых, нуждающихся в защите и поддержке, что делает их обращения за помощью более приемлемыми и успешными.

Важно также отметить, что поддержание воплощенных атрибутов гендерного капитала может быть сопряжено с определенными трудностями. Например, в условиях бездомности у женщин часто нет доступа к гигиеническим условиям или средствам для поддержания внешнего вида. Это создает дополнительное психологическое давление, так как они чувствуют потребность соответствовать социальным ожиданиям, но не всегда могут это сделать. Женщины, не имеющие доступа к гигиене, косметике или чистой одежде, могут чувствовать себя менее защищенными и менее уверенными, что снижает их шансы на установление социальных связей и получение помощи.

Однако стоит отметить и другие стратегии адаптации к бездомности. Некоторые женщины старались вести себя и выглядеть нейтрально, незаметно, чтобы не привлекать внимание. Третью стратегию можно определить через использование маскулинных черт и практик. С одной стороны, это помогает избавиться от лишнего внимания, однако с другой стороны, также рассматривается другими как отрицательная стратегия (не справилась с удержанием своей женской роли, не следит за собой). Интересно, что женщины, выбравшие маскулинный образ и утратившие женственность по мнению других, ведут себя не соответствующе традиционной модели «женского поведения», в иерархии бездомных занимают самое низшее положение.

«...она живет на улице, у неё всё ровно, чётко, ей это нравится. Но мне как бы с ней рядом находиться не очень хочется, потому что от неё пахнет, от неё воняет — не только потом, но ещё и прожностью, ещё такими-то делами. И я, находясь с ней рядом, получаю, скажем так... не самые лучшие впечатления». (Инт. № 31, м., 35 лет, стаж бездомности 2 года, нет определенного места для ночлега.)

Один из информантов также делит бездомных женщин на «профессиональных бомжих» и случайно ставших бездомными. Последние нуждаются в помощи, поддержке и защите.

«Им только поймать такого же алкаша и чтобы он им хоть стакан налил. И также потом пойти с ним, где-нибудь посидеть, надыбать на бутылку, заработать что-нибудь. А были, да, случайные,

кто по жизни... Я же вижу женщину, что она бедная с сумками стоит, стесняется всего, оглядывается. Ну, мы скорешились с одним мужиком, когда в палатке жили, даже легли рядом, чтобы друг за другом, если что, типа один сходит, чайник возьмет, другой возьмет пакет доширака. И я говорю: «Девушка, иди к нам, мы тебя защитим, если что». И один мужик такой: «Э! О!», свинья такая подходит. Он видит, что она другого типа совсем. Его-то типа вон там сидит, вот такая. Мы: «Девушка, иди к нам, мы пальцем не обидим, если что, то мы гзкнем на них». Она: «Да-да, можно я к вам?» И вот она рядом с нами, со своими кулками. <...> Выяснилось, я с ней разговорился, что она в Выборге живет, у неё там квартира, она с родителями живет. Но, чтобы заработать, от родителей не зависеть, она поехала в Питер. Потому что тут-то да, а там в городе работы вообще нет. Город-то маленький... Раньше там пограничный город был, люди там зарабатывали. Говорит: «Это раньше было, а сейчас вообще нет». Она поехала в Питер подзаработать. Получилось так, что ее попросили с работы, что-то не устроила она работодателя, может фэйсом не вышла. Ну, она такая... Не скажу, что красавица, но средняя дома, приличная, чистая, аккуратная, за собой следит». (Инт. № 49, м., 49 лет, стаж бездомности 4 года, приют.)

Для мужчин-бездомных воплощенные атрибуты гендерного капитала связаны прежде всего с поддержанием маскулинности, которая играет роль в их выживании и адаптационных стратегиях. Этот маскулинный капитал проявляется через такие качества, как сила, независимость и стойкость, что помогает им ориентироваться в условиях социальной уязвимости. Применение и демонстрация этих атрибутов позволяет мужчинам укреплять своё социальное положение, избегать стигматизации, защищать свою идентичность и контролировать восприятие окружающими.

Для многих мужчин сила и способность самостоятельно справляться с трудностями становятся символом мужественности и ключевым элементом гендерного капитала. В условиях бездомности мужчины часто предпочитают избегать обращений за помощью, чтобы сохранить ощущение автономии и независимости. Например, некоторые мужчины отказываются обращаться к родственникам или друзьям, чтобы не казаться зависимыми или «слабыми». Такая независимость воспринимается ими как необходимая маскулинная черта, которая способствует уважению и минимизирует их уязвимость в глазах окружающих. Сила и выносливость также становятся важными атрибутами, позволяющими работать на тяжелых физических работах, таких как строительство или грузоперевозки, что, в свою очередь, укрепляет их социальное положение.

Некоторые мужчины также используют маскулинные социальные сети для выживания, предпочитая объединяться в группы

с другими мужчинами, чтобы взаимно поддерживать друг друга в поиске работы, ресурсов и защиты. В подобных группах демонстрация маскулинных качеств, таких как уверенность и сила, способствует укреплению иерархии и поддержанию порядка. Объединения мужчин-бездомных часто построены на основе сотрудничества в поиске еды, жилья или информации о возможных подработках. Такие социальные сети играют роль расширенного гендерного капитала, где мужчины полагаются на взаимные связи и защиту, усиливая свою способность адаптироваться в условиях уличной бездомности.

Конверсия гендерного капитала

Конверсия гендерного капитала — это процесс, при котором гендерные характеристики и атрибуты, такие как феминность, забота, эмпатия (для женщин), или физическая сила и независимость (для мужчин), обмениваются на ресурсы, необходимые для выживания.

Для женщин, оказавшихся в ситуации бездомности, конверсия гендерного капитала проявляется в использовании феминных характеристик (внешности, эмпатии, заботы) для получения жилья, защиты и других материальных ресурсов. Часто женщины используют женственность и символические черты, ассоциируемые с традиционной ролью заботливой и нуждающейся в защите женщины, для установления связей с мужчинами, которые могут предоставить им временное жилье или безопасность.

В данном случае мы соединяем концепцию «викарного физического капитала» Дж. Уотсон [2016] и женского капитала Б. Скеггс [2004]. Здесь, женский капитал — это физические характеристики (женское тело, внешность), а феминный капитал — это совокупность женского капитала и традиционных представлений о женщине (забота, эмпатия, создание уюта и выполнение традиционных женских ролей). Это обменивается на жилье и относительную безопасность. Однако под вопросом остается добровольность такого решения. Так, несколько женщин рассказывали в интервью, что их «забрали» / «увели» к себе мужчины. Такие союзы, как правило, имеют сильный дисбаланс власти, девушки испытывают домашнее насилие и легко могут снова оказаться на улице.

«...ко мне мужик привязался, к себе увёл жить. <...> вымылась, на Балтийский приехала, и меня на сон потянуло, заснула, просыпаюсь, думала идти. И мужик. И чо-та видит, вроде баба не пьяная. Пошли. Грю, с какой стати я пойду, я тебя не знаю, ты меня не знаешь. Ну потом познакомился. Ну привёл он меня правда к себе на хату, вот.

Ну у него там вместе... но любил выпить, правда, гонял, но без побоев, как напьётся, так начинает, и сколько раз уходила, потом... [Имя информантки], возвращайся. Я зрю, не хочу я возвращаться. Потом в один прекрасный момент по ночи выгнал. Потом может и звонил, но я телефон потеряла. Потом уже в больницу попала. И всё». (Инт. № 7, ж., 50, стаж бездомности 10 лет, приют.)

«Вот за этой кафешкой сзади я спала, там труба была, тепленькая. Идти некуда же было мне. Там меня заметил вот этот дедушка. Первый раз увидел — подошёл ко мне. Вот. Купил кофе мне в стаканчике. Там чебуреки продавались, кофе купил мне стакан. А куда деваться — мне идти некуда. Он меня второй раз опять: «ты опять здесь?». — «Мне идти некуда». <...> Потом меня дедушка взял к себе. «Пойдем, пока сестры нет». А я-то не знала, что как. Ну пошли. Грязная, чумазая, еле иду. Он меня тащит на плече. Ну дошли там. Недалеко было. Отмыл меня в ванной. Поспала. Оставляет дома — день, два, три. Два месяца я у него жила». (Инт. № 13, ж., 60 лет, стаж бездомности 20 лет.)

Одной из главных стратегий конверсии является вступление в отношения с мужчинами, которые могут предложить жильё и безопасность. В интервью многие женщины делились опытом, как они находили мужчин, которые предоставляли им кров и защиту в обмен на выполнение традиционных женских ролей. Здесь женственность и забота рассматриваются как ресурс, которым женщины могут пользоваться для улучшения своей ситуации. Однако такие союзы часто несут в себе дисбаланс власти и риск насилия, так как женщина оказывается в зависимом положении.

Мужчины-бездомные в условиях бездомности также конвертируют свои маскулинные характеристики, такие как сила, независимость и способность к физическому труду, в ресурсы для выживания. Их гендерный капитал, построенный на традиционных представлениях о маскулинности, помогает им обеспечивать свои основные потребности через работу и взаимодействие с другими мужчинами.

«А в плане там вот этих чо то там покушать где-то чо то найти, где-то подзаработать, так это, наоборот, дружно, потом что иначе там на улице вообще не выжить. Особенно зимой это всё, это труба. Это надо всегда вместе держаться просто, я говорю, иначе никак. Где-то одна голова хорошо, а две, три, четыре лучше. Потому что один, второй, третий, чо-то подскажет. Кто-то услышал, кто-то где-то какой-то совет услышал, потом раз-раз взялись чо-то, раз-раз и выплыл короче». (Инт. № 47, м., 41 г., стаж бездомности 6 лет, приют.)

При этом, мужчины реже говорили о партнерствах с женщинами, чем женщины — с мужчинами. Для мужчин объединение — это больше про объединение усилий по заработку и поиску ресурсов. Для женщин объединение — про безопасность, физическую и эмоциональную.

«В этой жизни одной бабе тяжело выжить, нужно, чтобы кто-то защищал, поддерживал, заботился». (Инт. № 1, ж, 42 года, стаж бездомности 17 лет, заброшенный дом.)

Гендерный и социальный капиталы

Как для мужчин, так и для женщин, гендерный капитал часто конвертируется в социальный капитал, помогающий им устанавливать и поддерживать связи, которые могут предоставить доступ к ресурсам и защите. Женщины в ситуации бездомности часто обращаются за поддержкой к родственникам или друзьям, используя свои гендерные роли для получения сочувствия и помощи. Такие обращения подкрепляются культурными представлениями о женщинах как более уязвимых и нуждающихся в защите, что помогает им легче получать помощь. Для мужчин-бездомных формирование связей с другими мужчинами также является формой конверсии гендерного капитала, когда мужская солидарность помогает им совместно решать проблемы и минимизировать уязвимость. Мужчины также могут обращаться за помощью к друзьям или коллегам, при этом стараясь не показывать свою уязвимость, чтобы сохранить свою маскулинность. Чаще всего, такие обращения направлены не на получение жилья, а на нахождение работы или совместное проживание, где каждый участник группы вносит свой вклад в общее выживание.

Женщины также часто используют эмоциональные и символические аспекты гендерного капитала для получения моральной поддержки и минимизации социальной изоляции. Мужчины, напротив, часто избегают проявления эмоциональной уязвимости, стараясь поддерживать образ уверенности и независимости, что создает символический статус в их социальном кругу. Это укрепляет их положение и снижает вероятность столкновения с неуважением или негативными реакциями со стороны других бездомных. Мужчины также стремятся продемонстрировать физическую силу и самодостаточность, что помогает им создать позитивный образ и уменьшить риски стигматизации и уязвимости.

И мужчины, и женщины в большей степени склонны полагаться на традиционные гендерные роли в выстраивании стратегий преодо-

ления бездомности. Для женщин ситуация «уличной» бездомности достаточно сенситивна, связана со стыдом и небезопасной обстановкой. Попадая в ситуацию риска оказаться на улице, женщины, как правило, задействуют все свои социальные ресурсы — если отношения с родственниками разорваны, то поиск места для ночлега может быть среди друзей и знакомых. Для женщин обратиться за помощью к кому-то из близких или знакомых — это норма, женщина может быть слабой, может быть в беде (не по своей вине), и ей можно помогать.

«Первое время жила у знакомых. У соседей, у знакомых. У кого неделю, у кого две, у кого по месяцу проживала, так вот. Ну люди выручали просто-напросто. Кто подкармливал, кто одежду, вот... помогали, кто чем мог. Вот. Ещё на это время я работала маленько». (Инт № 12, ж., 60, стаж бездомности 20 лет, приют.)

«Инт.: Понятно, а пытались обращаться [за помощью]?»

Инф.: Да, я звонила практически всем, все сказали «моя твоя не знает». (Инт. № 9, ж., 36, стаж бездомности 1 год, приют.)

Только когда социальный ресурс исчерпывается, женщина может обратиться за помощью к НКО.

«Инф: Да... У меня супруг погиб и получилось так, что я осталась на улице.

Инт. А как давно это было?

Инф.: Он погиб в 2014 году. Я держалась у друзей, там ещё некоторые люди были. Потом это всё сошло на нет. И когда денег нет, то ты — никто. Когда были деньги, то у меня и друзья были, мы ходили по ресторанам, по кафе, всё было. А когда этого нет, и узнали, что я — бомж, и я сказала...» (Инт. № 19, ж., 59, стаж бездомности 2 года, приют.)

Это может быть также связано и со стигмой — лучше обратиться за любой помощью, чем быть бездомной. При этом женщины редко в ситуации скрытой бездомности (или в зоне риска) обращаются непосредственно в помогающие организации, так как это тоже своего рода признание своего статуса. Наблюдения также показывают, что женщины активно используют социальные связи, от сильных до слабых, предпочитая помощь знакомых, чем НКО. Это объясняется недоверием к организациям, негативным опытом взаимодействия.

Некоторые женщины в своих нарративах рассказывали, что искали партнера с жильем. Также к практикам применения феминного капитала можно отнести поиск «женских» работ — сиделкой, администратором, уборщицей.

Мужчины обращаются за помощью к родственникам реже, предпочитая сначала решать возникшую проблему без их помощи,

потому что в противном случае, это означает признать свою несостоятельность как добытчика и главы дома. В данном случае очень сильна патриархальная парадигма понимания мужских и женских ролей в обществе, и стереотип, что мужчина со своими проблемами должен справляться сам.

«Инт.: А та [дочь], которая здесь, вы к ней за помощью обращались?»

Инф.: Зачем? Мне стыдно, это, во-первых. Во-вторых — я мужчина, я должен как-то... Я готов помогать ей, но ей помогать не надо, у неё всё в порядке». (Инт. № 54, м., 58, стаж бездомности 10 лет, дом ночного пребывания.)

«Ну и пошло такое — стал пока один жить, снимал комнатку. Потом потихоньку пошло-пошло-пошло, так и остался снимать комнату. Пока думаю: «Что я, не мужчина? Выживу, заработаю». (Инт. № 54, м., 58, стаж бездомности 10 лет, дом ночного пребывания.)

Исследование стратегий совладания с бездомностью демонстрирует, что как мужчины, так и женщины используют различные подходы в зависимости от формы бездомности (скрытая, уличная, на грани бездомности), а также традиционных гендерных ролей, принятых в обществе. Женщины, оказавшись в рискованной ситуации, активно используют свои социальные связи, обращаясь за помощью к родственникам, друзьям и знакомым. Это связано с восприятием женщин как более уязвимых и нуждающихся в поддержке, что позволяет им легче получать помощь от окружающих. Однако обращение за помощью к профильным НКО происходит лишь после исчерпания всех социальных ресурсов, так как сопряжено с признанием своего статуса. Женщины могут также обменивать свой феминный капитал (тело, забота, эмпатия) на жилье и относительную безопасность. Однако это часто сопровождается неравноправными отношениями и риском насилия.

Выводы

Бездомность можно определить как сложный динамический социальный процесс, связанный с отсутствием стабильного и безопасного жилья, вызванный отсутствием или утратой ресурсов (материальных, социальных, экономических, культурных). Чем меньше у человека ресурсов, тем больше вероятность его попадания в ситуацию бездомности. Это постоянный процесс — для совладания с бездо-

мностью, индивид постоянно находится в поиске ресурсов — жилья, работы, социальных связей. При этом ресурсы могут приобретаться, конвертироваться в капитал и использоваться как одна из стратегий выхода из ситуации бездомности и адаптации к ней.

В ходе анализа эмпирических данных выдвинут концепт гендерного капитала, который помогает понять, как мужчины и женщины адаптируются и совладают с ситуацией бездомности. Гендерный капитал включает в себя символические практики, связанные с традиционными представлениями о роли мужчин и женщин.

Исследование показывает, что воплощенные атрибуты гендерного капитала играют важную роль в адаптации бездомных людей к трудным условиям жизни. В ситуации риска бездомности и жизни на улице женщины используют «феминный» капитал (тело, женственность, забота) как одну из стратегий совладания с бездомностью. Эта стратегия используется не только для обеспечения физической безопасности, но и для эмоционального комфорта. Это может проявляться в виде партнерства с женщиной, у которой есть жилье, трудоустройства на традиционные женские работы с проживанием, обращение за помощью в женские помогающие организации. Так как в патриархальных сообществах гендерные роли играют определяющую роль, их потеря ведёт не только к стигматизации, но и к самостигматизации, а также к выработке компенсирующих гендерных стратегий, помогающих адаптироваться к ситуации бездомности. Мужчины также используют свой «маскулинный» капитал.

В ситуации уличной бездомности феминный капитал используется для построения отношений с мужчинами для обеспечения защиты и эмоционального комфорта. Маскулинный капитал также используется как одна из стратегий совладания с бездомностью, однако, вариативность гендерно маркируемых стратегий у мужчин меньше, чем у женщин. Это может быть связано с сильным влиянием традиционных гендерных ролей в российском обществе. В обществе с сильными патриархальными установками гендерные роли в ситуации бездомности гиперболизируются, компенсируя утраченные функции («хозяйки домашнего очага» и «главы дома»).

Женщины и мужчины используют свои гендерные роли для получения различных видов социальной поддержки. Женщины активнее привлекают социальные связи, обращаясь за помощью к родственникам, друзьям и знакомым. Это обусловлено восприятием женщин как более уязвимых и нуждающихся в защите, что делает их обращения за поддержкой более успешными и менее стигматизированными. Мужчины же реже обращаются за помощью, чтобы сохранить свою маскулинность и избежать стигматизации.

Гендерные роли способствуют укреплению социальных связей и служат способом минимизировать уязвимость. Женщины используют свою женственность для создания связей с людьми, которые

могут помочь им избежать бездомности, тогда как мужчины чаще строят отношения с другими мужчинами, объединяясь для взаимной поддержки и поиска ресурсов.

Конверсия гендерного капитала у женщин нередко сопровождается значительным дисбалансом власти, что повышает их уязвимость перед насилием и манипуляцией. В условиях зависимости от мужчин, предоставляющих кров или защиту, женщины могут оказаться в ситуации, где их права и границы нарушаются, что требует дальнейшего изучения и разработки социальной поддержки для таких случаев.

Отношение бездомных мужчин к бездомным женщинам амбивалентно. С одной стороны, женщина с длительной историей бездомности, не соответствующая традиционной женской модели патриархального общества (женственность, уход за собой, забота о мужчине), маргинализируется и воспринимается ими негативно. С другой стороны, бездомная женщина, которая соответствует традиционным представлениям о женственности, напротив, нуждается в заботе и поддержке, что воспринимается мужчинами более позитивно и в определенном смысле помогает им поддерживать свою гендерную роль. Данные результаты вносят вклад в дискуссию о гендерном капитале. Большинство исследований посвящены рассмотрению феминного и маскулинного капиталов в сферах занятости и спорта [Skeggs, 2011; Hupatz, Goodwin, 2013]. Мы же рассматриваем, как трансформируется данная концепция применительно к уязвимым группам в ситуации, когда им необходимо справиться (совладать, выживать, адаптироваться) с жизненными трудностями.

Приписываемые гендерные роли влияют на стратегии адаптации к ситуации бездомности, а также на то, как мы видим этот феномен. За счёт того, что женская бездомность стигматизируется обществом, бездомными и бездомными женщинами, женщины с опытом бездомности, как правило, попадают в «невидимую» категорию бездомности. Их опыт и потребности становятся невидимыми для практиков и исследователей. Концептуализация бездомности с точки зрения разных характеристик, понимание гетерогенности этой группы позволит разработать не только теоретический аппарат для анализа бездомности, но и поможет практикам в области социальной политики разработать услуги, подходящие для различных групп бездомных и групп, находящихся в зоне риска бездомности.

При этом феминный и маскулинный капиталы не обязательно используются только женщинами и мужчинами соответственно. Так, женщины могут использовать маскулинный капитал и вести себя подчеркнуто мужественно, опекать и защищать других женщин.

Литература

1. *Алексеева, Л. С.* Бездомные в России // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 56–62.
2. *Волков, В. В.* Бездомность в современной России: проблема типологии бездомных // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4. С. 366–370.
3. *Коваленко, Е., Строкова, Е.* Бездомность: есть ли выход. М.: Фонд «Институт экономики города. 2010.
4. *Кузинер, Е. Н.* «Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 273–298.
5. *Кузинер, Е. Н.* Исследование бездомности: методология, эмоциональная вовлеченность и место исследователя в чувствительных полях // ИНТЕР: Интеракция Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 69–88.
6. *Платонова, Н. М.* Бездомность в современной России: причины и следствия // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2009. Т. 11. № 1. С. 56–60.
7. *Adkins, L.* Social capital: The anatomy of a troubled concept // *Feminist Theory*. 2005. Vol. 6. No. 2. P. 195–211.
8. *Alvesson, M.* Gender relations and identity at work: A case study of masculinities and femininities in an advertising agency // *Human relations*. 1998. Vol. 51. No. 8. P. 969–1005.
9. *Baptista, I.* Women and homelessness // *Homelessness research in Europe*. 2010. Vol. 4. No. 1. P. 163–185.
10. *Bennett, K.* Homeless at home in East Durham // *Antipode*. 2011. Vol. 43. No. 4. P. 960–985.
11. *Bourdieu, P.* The Forms of Capital. // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood, 1986.
12. *Bourdieu, P., Wacquant, L. J. D.*, An invitation to reflexive sociology. Chicago: University of Chicago Press. 1992.
13. *Bretherton, J.* Homelessness and gender reconsidered // *European Journal of Homelessness*. 2017. No. 11. P. 1–22.
14. *Bretherton, J.* Women's experiences of homelessness: A longitudinal study // *Social Policy and Society*. 2020. Vol. 19. No. 2. P. 255–270.
15. *Bretherton, J., Mayock, P.* Women's homelessness: European evidence review. Research Report. FEANTSA. 2021.
16. *Bridges, T.S.* Gender capital and male bodybuilders // *Body & Society*. 2009. Vol. 15. No. 1. P. 83–107.
17. *Casey, R., Goudie, R., Reeve, K.* Homeless Women in Public Spaces: Strategies of Resistance // *Housing Studies*. 2008. No. 23. P. 899–916. [Online] <<https://doi.org/10.1080/02673030802416627>> [Date of access] 16.09.2024.
18. *Coles, T.* Negotiating the field of masculinity: The production and reproduction of multiple dominant masculinities // *Men and masculinities*. 2009. Vol. 12. No. 1. P. 30–44.
19. *Dej, E.* When a man's home isn't a castle: Hegemonic masculinity among men experiencing homelessness and mental illness. // *Containing Madness*. / J. M. Kilty, E. Dej. Cham: Springer International Publishing, 2018. P. 215–239. [Online] <https://doi.org/10.1007/978-3-319-89749-3_10> [Date of access] 25.11.2024.
20. *Edgar, B., Doherty, J.M.* Women and homelessness in Europe: Pathways, services and experiences. Bristol: Policy Press, 2001.
21. *Evans, R. D., Forsyth, C.J.* Risk Factors, Endurance of Victimization, and Survival Strategies: The Impact of the Structural Location of Men and Women on Their Experiences Within Homeless Milieus // *Sociological Spectrum*. 2004. Vol. 24. No. 4. P. 479–505. [Online] <<https://doi.org/10.1080/02732170390260413>> [Date of access] 25.11.2024.

22. *Finfgeld-Connett, D.* Becoming Homeless, Being Homeless, and Resolving Homelessness Among Women // *Issues in Mental Health Nursing*. 2010. Vol. 31. No. 7. P. 461–469. [Online] <<https://doi.org/10.3109/01612840903586404>> [Date of access] 25.11.2024.
23. *Jones, M. E., Shier, M. L., Graham, J. R.* Intimate relationships as routes into and out of homelessness: Insights from a Canadian city // *Journal of Social Policy*. 2012. Vol. 41. No. 1. P. 101–117.
24. *Höjdestrand, T.* Needed by Nobody: Homelessness and Humanness in PostSocialist Russia. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2009.
25. *Hoolachan, J. E.* Ethnography and homelessness research // *International Journal of Housing Policy*. 2016. Vol. 16. No. 1. P. 31–49. [Online] <<https://doi.org/10.1080/14616718.2015.1076625>> [Date of access] 25.11.2024.
26. *Huey, L., Berndt, E.* 'You've Gotta Learn how to Play the Game': Homeless Women's Use of Gender Performance as a Tool for Preventing Victimization // *The Sociological Review*. 2008. Vol. 56. No. 2. P. 177–194. [Online] <<https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2008.00783.x>> [Date of access] 25.11.2024.
27. *Huppertz, K., Goodwin, S.* Masculinised jobs, feminised jobs and men's 'gender capital'experiences: Understanding occupational segregation in Australia // *Journal of Sociology*. 2013. Vol. 49. No. 2–3. P. 291–308.
28. *Huppertz, K.* *Social Work // Gender Capital at Work: Intersections of Femininity, Masculinity, Class and Occupation.* Springer. Palgrave Macmillan, 2012. P. 96–111.
29. *Jensen, S. K.* Mutually Violent Couples: The Effects of Hypermasculinity and Coercion on Partner Violence and Mental Health. ProQuest Dissertations Publishing, 2006. [Online] <<https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc94270/>> [Date of access] 10.07.2024.
30. *Johnson, G., Ribar, D. C., Zhu, A.* Women's Homelessness: International Evidence on Causes, Consequences, Coping and Policies // *Melbourne Institute Working Paper Series Working Paper*. 2017. No. 7/17.
31. *Kuziner, E. N.* 'People Don't Live There, on the Streets — They Are Surviving': Gender Specifics of Homelessness Coping Strategies in St. Petersburg, Russia // *Social Sciences*. 2023. Vol. 12. No. 9. Article 476.
32. *Mayock, P., Bretherton, J., Baptista, I.* Women's homelessness and domestic violence: (In)visible interactions // *Women's homelessness in Europe / Ed. by P. Mayock, J. Bretherton.* London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 127–154.
33. *Mayock, P., Sheridan, S., Parker, S.* Migrant women and homelessness: The role of gender-based violence // *European Journal of Homelessness*. Vol. 6. No. 1. 2012.
34. *McMaster, R.* People at risk of homelessness: A qualitative study of housing support initiatives (PhD Thesis). University of Tasmania. 2017.
35. *O'Grady, B., Gaetz, S.* Homelessness, Gender and Subsistence: The Case of Toronto Street Youth // *Journal of Youth Studies*. 2004. Vol. 7. No. 4. P. 397–416. [Online] <<https://doi.org/10.1080/1367626042000315194>> [Date of access] 25.11.2024.
36. *Okamoto, Y.* A comparative study of homelessness in the United Kingdom and Japan // *Journal of Social Issues*. 2007. Vol. 63 . No. 3. P. 525–542
37. *Parsell, C., Parsell, M.* Homelessness as a Choice // *Housing, Theory and Society*. 2012. Vol. 29. No. 4. P. 420–434. [Online] <<https://doi.org/10.1080/14036096.2012.667834>> [Date of access] 25.11.2024.
38. *Pleace, N., Bretherton, J.* The case for Housing First in the European Union: A critical evaluation of concerns about effectiveness // *European Journal of homelessness*. 2013. Vol. 7. No. 2.
39. *Quilgars, D., Pleace, N.* Homelessness Research in Europe. FEANSTA. 2010 .
40. *Rea, J.* Social relationships, stigma, and wellbeing through experiences of homelessness in the United Kingdom // *Journal of Social Issues*. 2023. Vol. 79. No. 1. P. 465–493. [Online] <<https://doi.org/10.1111/josi.12572>> [Date of access] 25.11.2024.

41. Romero, M., Margolis, E. (Eds.). *The Blackwell Companion to Social Inequalities: Romero*. Oxford: The Blackwell Publishing Ltd, 2005. [Online] <<https://doi.org/10.1002/9780470996973>> [Date of access] 25.11.2024.
42. Skeggs, B. *Classifying practices: Representations, capitals and recognitions // Class matters: 'Working-class' women's perspectives on social class in: Pat Mahoney and Christine Zmroczek*. London: Taylor & Francis. 1997. P. 123–139.
43. Skeggs, B. *Context and background: Pierre Bourdieu's analysis of class, gender and sexuality // The sociological review*. 2004. Vol. 52. No. 2_suppl. P. 19–33.
44. Skeggs, B. *Imagining personhood differently: Person value and autonomist working-class value practices // The sociological review*. 2011. Vol. 59. No. 3. P. 496–513.
45. Stephenson, S. *Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia*. New York: Routledge, 2017.
46. Tessler, R., Rosenheck, R., Gamache, G. *Gender Differences in Self-Reported Reasons for Homelessness. // Journal of Social Distress and the Homeless*. 2001. Vol. 10. No. 3. P. 243–254. [Online] <<https://doi.org/10.1023/A:1016688707698>> [Date of access] 25.11.2024.
47. Tomas, A., Dittmar, H. *The experience of homeless women: An exploration of housing histories and the meaning of home // Housing studies*. 1995. Vol. 10. No. 4. P. 493–515.
48. Wardhaugh, J. *The Unaccommodated Woman: Home, Homelessness and Identity. // The Sociological Review* 47. 1999. Vol. 47. No.1. P. 91–109. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.00164>
49. Watson, J. *Gender-Based Violence and Young Homeless Women: Femininity, Embodiment and Vicarious Physical Capital // The Sociological Review*. 2016. Vol. 64. No.2. P.256–273. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12365>
50. Watson, J. *Homelessness Through a Feminist Lens, in: The Routledge Handbook of Homelessness*. Routledge. 2023. P. 119–129.
51. Watson, J., Crawley, J., Kane, D. *Social exclusion, health and hidden homelessness // Public health*. 2016. Vol. 139. P. 96–102.
52. Watson, S. *A home is where the heart is: engendering notions of homelessness // Homelessness*. Policy Press. 1999. P. 81–100.
53. Watson, S.D. *Discharges to the Streets: Hospitals and Homelessness // Louis U. Pub. L. Rev*. 2000. Vol. 19. No. 2. P. 357–384.
54. Watson, S., Austerberry H. *Housing and homelessness: A feminist perspective // Routledge & Kegan Paul*. 1986.
55. *Wendt, S., Moulding, N. (ed.). Contemporary feminisms in social work practice*. London: Routledge. 2016.

Evgenia Kuziner

Gender Capital as a Resource of Survival and Adaptation for Homeless People: Russian Context

Evgenia Nikolaevna Kuziner — Junior Researcher, Center for Youth Studies, Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg. **Address:** St. Petersburg, 55/2, Sedova St., 2. **E-mail:** ekuziner@hse.ru.

Abstract: The research is focused on analyzing the gender aspects of homelessness in Russia, with special attention to the differences in the causes of homelessness, survival strategies and vulnerability of men and women. This study seeks to highlight the specific problems faced by homeless women and men, as well as to offer a conceptual framework for understanding gender capital as a key element in their adaptation strategies. The study is based on empirical data collected between 2018 and 2021. The concept of gender capital proposed in the study helps to understand how social, cultural and economic resources are utilized by men and women in their daily struggle for survival. This concept reveals how gender norms and expectations influence the experience of homelessness and adaptation strategies. Gender capital includes skills, knowledge, and social networks that can both facilitate survival and limit opportunities to exit homelessness.

Keywords: homelessness, female homelessness, gender capital

References:

1. *Adkins, L.* (2005). Social capital: The anatomy of a troubled concept // *Feminist Theory*. Vol. 6. No. 2. P. 195–211.
2. *Alekseeva, L.S.* (2003). Homeless in Russia // *Sociological Studies*. №. 9. Pp. 56–62. (In Russ.)
3. *Alvesson, M.* (1998). Gender relations and identity at work: A case study of masculinities and femininities in an advertising agency // *Human relations*. Vol. 51. No. 8. P. 969–1005.
4. *Baptista, I.* (2010). Women and homelessness // *Homelessness research in Europe*. Vol. 4. No. 1. P. 163–185.
5. *Bennett, K.* (2011). Homeless at home in East Durham // *Antipode*. Vol. 43. No. 4 P. 960–85.
6. *Bourdieu, P.* (1986). The Forms of Capital. In J. Richardson (Ed.), *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* (pp. 241–258). New York: Greenwood.
7. *Bourdieu, P., Wacquant, L.J.D.* (1992). *An invitation to reflexive sociology*. University of Chicago Press.
8. *Bretherton, J.* (2017). Homelessness and gender reconsidered. *European Journal of Homelessness*. No. 11. P. 1–22.
9. *Bretherton, J.* (2020). Women's experiences of homelessness: A longitudinal study // *Social Policy and Society*. No. 19 (2). P. 255–270.
10. *Bretherton, J., Mayock, P.* (2021). Women's homelessness: European evidence review. Research Report. FEANTSA.
11. *Bridges, T.S.* (2009). Gender capital and male bodybuilders // *Body & Society*. Vol. 15. No. 1. P. 83–107.

12. Casey, R., Goudie, R., Reeve, K. (2008). Homeless Women in Public Spaces: Strategies of Resistance. // *Housing Studies*. No. 23. P. 899–916. [Online] <<https://doi.org/10.1080/02673030802416627>> [Date of access] 16.09.2024.
13. Coles, T. (2009). Negotiating the field of masculinity: The production and reproduction of multiple dominant masculinities // *Men and masculinities*. Vol. 12. No. 1. P. 30–44.
14. Dej, E. (2018). When a Man's Home Isn't a Castle: Hegemonic Masculinity Among Men Experiencing Homelessness and Mental Illness // Kilty, J.M., Dej, E. (Eds.), *Containing Madness*. Cham: Springer International Publishing,. P. 215–239. [Online] <https://doi.org/10.1007/978-3-319-89749-3_10> [Date of access] 25.11.2024.
15. Edgar, B., Doherty, J.M. (2001). *Women and homelessness in Europe: Pathways, services and experiences*. Bristol: Policy Press.
16. Evans, R.D., Forsyth, C.J. (2004). Risk Factors, Endurance of Victimization, and Survival Strategies: The Impact of the Structural Location of Men and Women on Their Experiences Within Homeless Milieus // *Sociological Spectrum*. Vol. 24. No. 4. P. 479–505. [Online] <<https://doi.org/10.1080/02732170390260413>> [Date of access] 25.11.2024.
17. Finfgeld-Connett, D. (2010). Becoming Homeless, Being Homeless, and Resolving Homelessness Among Women // *Issues in Mental Health Nursing*. Vol. 31. No. 7. P. 461–469. [Online] <<https://doi.org/10.3109/01612840903586404>> [Date of access] 25.11.2024.
18. Jones, M. E., Shier, M. L., Graham, J. R. (2012). Intimate relationships as routes into and out of homelessness: Insights from a Canadian city // *Journal of Social Policy*.. Vol. 41. No. 1. P. 101–117.
19. Höjdestrand, T. (2009). *Needed by Nobody: Homelessness and Humanness in PostSocialist Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
20. Hoolachan, J.E. (2016). Ethnography and homelessness research // *International Journal of Housing Policy*. Vol. 16. No. 1. P. 31–49. [Online] <<https://doi.org/10.1080/14616718.2015.1076625>> [Date of access] 25.11.2024.
21. Huey, L., Berndt, E. (2008). 'You've Gotta Learn how to Play the Game': Homeless Women's Use of Gender Performance as a Tool for Preventing Victimization // *The Sociological Review*. Vol. 56. No. 2. P. 177–194. [Online] <<https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2008.00783.x>> [Date of access] 25.11.2024.
22. Huppertz, K., Goodwin, S. (2013). Masculinised jobs, feminised jobs and men's 'gender capital' experiences: Understanding occupational segregation in Australia // *Journal of Sociology*. Vol. 49. No. 2–3. P. 291–308.
23. Huppertz, K. (2012). *Social Work // Gender Capital at Work: Intersections of Femininity, Masculinity, Class and Occupation*. Springer. Palgrave Macmillan. P. 96–111.
24. Jensen, S.K. (2006). *Mutually Violent Couples: The Effects of Hypermasculinity and Coercion on Partner Violence and Mental Health*. ProQuest Dissertations Publishing . [Online] <<https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc94270/>> [Date of access] 10.07.2024.
25. Johnson, G., Ribar, D.C., Zhu, A. (2017). Women's Homelessness: International Evidence on Causes, Consequences, Coping and Policies // *Melbourne Institute Working Paper Series Working Paper*.. No. 7/17.
26. Kovalenko, E., Strokova, E. (2010). Homelessness: is there a way out // *M.: Foundation "Institute of Urban Economics*. Vol. 128. (In Russ.)
27. Kuziner, E.N. (2024). Homelessness: Methodology, Emotional Involvement and the Researcher's Role in Sensitive Field. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 2. P. 69–88. (In Russ.)
28. Kuziner, E.N. (2020). 'I Will Go Home', with 'Home' Meaning 'Basement': Homeless Women's Daily Practices and Coping Strategies'. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 73–98. (In Russ.)

29. *Kuziner, E. N.* (2023). 'People Don't Live There, on the Streets — They Are Surviving': Gender Specifics of Homelessness Coping Strategies in St. Petersburg, Russia // *Social Sciences*. Vol. 12. No. 9. Article 476.
30. *Mayock, P., Bretherton, J.* (ed.). (2016). *Women's homelessness in Europe*. London: Palgrave Macmillan. P. 127–154.
31. *Mayock, P., Sheridan, S., Parker, S.* (2012). Migrant women and homelessness: The role of gender-based violence // *European Journal of Homelessness*. Vol. 6. No. 1.
32. *McMaster, R.* (2017). *People at risk of homelessness: A qualitative study of housing support initiatives* (PhD Thesis). University of Tasmania.
33. *O'Grady, B., Gaetz, S.* (2004). Homelessness, Gender and Subsistence: The Case of Toronto Street Youth. // *Journal of Youth Studies*. Vol. 7. No. 4. P. 397–416. [Online] <<https://doi.org/10.1080/1367626042000315194>> [Date of access] 25.11.2024.
34. *Okamoto, Y.* (2007). A comparative study of homelessness in the United Kingdom and Japan // *Journal of Social Issues*. Vol. 63. No. 3. P. 525–542
35. *Parsell, C., Parsell, M.* (2012). Homelessness as a Choice // *Housing, Theory and Society*. Vol. 29. No. 4. P. 420–434. [Online] <<https://doi.org/10.1080/14036096.2012.667834>> [Date of access] 25.11.2024.
36. *Platonova, N. M.* (2009). Homelessness in modern Russia: causes and consequences // *Scientific Notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*. Vol. 11. №. 1. P. 56–60. (In Russ.)
37. *Pleace, N., Bretherton, J.* (2013). The case for Housing First in the European Union: A critical evaluation of concerns about effectiveness // *European Journal of homelessness*. Vol. 7. No. 2.
38. *Quilgars, D., Pleace, N.* (2010). *Homelessness Research in Europe*. FEANSTA.
39. *Rea, J.* (2023). Social relationships, stigma, and wellbeing through experiences of homelessness in the United Kingdom // *Journal of Social Issues*. Vol. 79. No. 1. P. 465–493. [Online] <<https://doi.org/10.1111/josi.12572>> [Date of access] 25.11.2024.
40. *Romero, M., Margolis, E.* (Eds.). (2005). *The Blackwell Companion to Social Inequalities: Romero*. Oxford: The Blackwell Publishing Ltd. [Online] <<https://doi.org/10.1002/9780470996973>> [Date of access] 25.11.2024.
41. *Skeggs, B.* (1997). Classifying practices: Representations, capitals and recognitions // *Class matters: 'Working-class' women's perspectives on social class in: Pat Mahoney and Christine Zmroczek*. London: Taylor & Francis. P. 123–139.
42. *Skeggs, B.* (2004). Context and background: Pierre Bourdieu's analysis of class, gender and sexuality // *The sociological review*. Vol. 52. No. 2_suppl. P. 19–33.
43. *Skeggs, B.* (2011). Imagining personhood differently: Person value and autonomist working-class value practices // *The sociological review*. Vol. 59. No. 3. P. 496–513.
44. *Stephenson, S.* (2017). *Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia*. Routledge.
45. *Tessler, R., Rosenheck, R., Gamache, G.* (2001). Gender Differences in Self-Reported Reasons for Homelessness // *Journal of Social Distress and the Homeless*. Vol. 10. No. 3. P. 243–254. [Online] <<https://doi.org/10.1023/A:1016688707698>> [Date of access] 25.11.2024.
46. *Tomas, A., Dittmar, H.* (1995). The experience of homeless women: An exploration of housing histories and the meaning of home // *Housing studies..* Vol. 10. No. 4. P. 493–515.
47. *Volkov, V. V.* (2010). Homelessness in modern Russia: the problem of homeless typology // *Vestnik of Nizhny Novgorod University named after NI Lobachevsky*. №. 4. P. 366–370. (In Russ.)
48. *Wardhaugh, J.* (1999). *The Unaccommodated Woman: Home, Homelessness and Identity*. // *The Sociological Review* 47. Vol. 47. No.1. P. 91–109. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.00164>

49. *Watson, J.* (2016). Gender-Based Violence and Young Homeless Women: Femininity, Embodiment and Vicarious Physical Capital // *The Sociological Review*. Vol. 64. No.2. P.256–273. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12365>
50. *Watson, J.* (2023). Homelessness Through a Feminist Lens, in: *The Routledge Handbook of Homelessness*. Routledge. P. 119–129.
51. *Watson, J., Crawley, J., Kane, D.* (2016). Social exclusion, health and hidden homelessness // *Public health*. Vol. 139. P. 96–102.
52. *Watson, S.* (1999). A home is where the heart is: engendering notions of homelessness // *Homelessness*. Policy Press. P. 81–100.
53. *Watson, S. D.* (2000). Discharges to the Streets: Hospitals and Homelessness // *Louis U. Pub. L. Rev.* Vol. 19. No. 2. P. 357–384.
54. *Watson, S.,* (1986). *Austerberry H. Housing and homelessness: A feminist perspective* // Routledge & Kegan Paul.
55. *Wendt, S., Moulding, N.* (ed.). (2016). *Contemporary feminisms in social work practice*. London: Routledge.